View the original article

ИСТОРИЯ.СИБИРЬ

"Ты – номер, ты – не человек". Как доносчики отправили в лагерь ученицу Гумилева поэтессу Иду Наппельбаум

Марина Аронова

31 октября 2026

Николай Гумилев с учениками по студии "Звучащая раковина". Слева от него – Фредерика и Ида Наппельбаум, справа – Вера Лурье и Константин Вагинов. Внизу гости: Георгий Иванов и Ирина Одоевцева. Фото М. С. Наппельбаума. 1921 год

2 ноября 1992 года в Санкт-Петербурге скончалась Ида Наппельбаум, "последняя поэтесса Серебряного века". Так Иду стали называть после распада СССР, когда вернулись из небытия имена друзей ее юности. За попытку сохранить память о них поэтесса едва не заплатила жизнью на лесоповале в Озерлаге*.

"Мы вас с мужем недобрали в 37-м" – с этих слов начался первый допрос поэтессы Иды Наппельбаум. Ее арестовали по доносу "друзей семьи". Сразу два ленинградских писателя посчитали необходимым довести до сведения соответствующих органов, что видели у поэтессы крамольный портрет Николая Гумилева.

И хотя муж Иды уничтожил картину еще в 1937 году, она не стала отрицать, что хранила дома портрет казненного учителя. "Их интересовало, каков был портрет, его размеры, даже краски. Я описала его с удовольствием, восстанавливая в своей памяти. Только удивлялась бессмысленности всего этого, – вспоминала Ида. – Достаточно было наличия в квартире портрета расстрелянного поэта, чтобы признать меня преступницей".

Ида Наппельбаум

За верность памяти Гумилева поэтессу приговорили к 10 годам лагерей. Несколько десятилетий спустя журналист Михаил Рутман спросил Иду, простила ли она тех, кто на нее донес. "Одного простила, другого – нет, – ответила Ида. – Перестала кланяться".

"Мне это опасно, а вам – это ничего, можно"

Ида родилась 13 июня 1900 года в Минске, в семье фотографа Моисея Наппельбаума. Фотограф-самоучка, он попытался перебраться в США, но вернулся, поняв, что Америка не для него. Оставаться в Минске Наппельбаум не хотел – ему было тесно в провинциальном городке, поэтому решил попытать счастья в Санкт-Петербурге. Невероятный талант фотопортретиста быстро оценили состоятельные заказчики, и к 1913 году Наппельбаум смог перевезти в столицу всю семью: жену, четырех дочерей и сына.

Из книги воспоминаний "Довольно, я больше не играю" Ольги Грудцовой, третьей дочери Наппельбаумов:

"К концу Первой мировой войны мы жили в роскошной квартире на Невском проспекте, напротив Троицкой улицы, в ней было девять комнат и фотопавильон в 70 квадратных метров. В парадном стоял швейцар в ливрее, был лифт. ... Проходя в свою комнату через гостиную с позолоченной мебелью, я видела нарядно одетых заказчиков. Работы отца пользовались успехом у интеллигенции, они привлекали внимание отсутствием "фотографичности" в дурном смысле этого слова, это были психологические портреты; его имя приобретало все большую популярность. Фотографию посетила даже Великая княжна, вероятно, вскоре отец стал бы "фотограф Его Императорского Величества". Но... наступил 1917 год".

Старшие дочери Моисея Наппельбаума окончили классическую гимназию в Хитрово. Ида поступила в Институт истории искусств, а Фредерика – на филологический факультет университета. Сестры просто бредили стихами, потому обе оказались в Доме искусств, в поэтической студии "Звучащая раковина", которую создал Николай Гумилев.

Сооснователь "Цеха поэтов" пытался и небольшую студию превратить в настоящую мастерскую стихосложения. Ученики читали стихи по кругу, разбирали, критиковали, играли в буриме. Одобрение строгого учителя было редкой наградой, поэтому Ида на всю жизнь запомнила, как Гумилев однажды похвалил ее строки: "Смутно вижу – о летнем театре / Афиши пестрят на столбе, / А душа моя делится на три: / О стихах, о былом, о тебе". Как и все слушательницы студии, Ида была восторженно влюблена в Гумилева.

Из воспоминаний Иды Наппельбаум:

"Внешность поэта ничем не привлекала к себе внимания. Напротив, она могла и оттолкнуть. Очень удлиненное лицо, с мясистым, длинным носом, бритая голова, раскосые, водянисто-светлые глаза.

Но руки... Великолепные узкие руки с длинными, тонкими пальцами. Я много наблюдала их игру. Садясь к столу, Николай Степанович клал перед собой особый, похожий по форме на большой очешник, портсигар из черепахи. Он широко раскрывал его, как-то особо играя кончиками пальцев, доставал папиросу, захлопывал довольно пузатый портсигар и отбивал папиросу о его крышку. И далее, весь вечер, занимаясь, цитируя стихи, он отбивал ритм ногтями по портсигару. У меня было ощущение, что этот портсигар участвует в наших поэтических занятиях".

Студия "Звучащая раковина" проработала совсем недолго: 3 августа 1921 года Гумилева арестовали, объявив участником заговора "Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева".

Из воспоминаний Иды:

"Через некоторое время после ареста Гумилева ко мне пришла его вторая жена Анна Николаевна Энгельгардт (Аничка, как мы ее называли) и попросила относить Николаю Степановичу в тюрьму передачи.

– Мне это опасно, – сказала она, – а вам – это ничего, можно.

Хотя я и понимала, что все наоборот, но сделала то, о чем она попросила.

Однажды в окошке, куда я приносила передачи, мне сказали, что больше приносить не нужно.

И через несколько дней мы с моей подругой, будущей писательницей Ниной Берберовой, стояли, в ужасе прижавшись друг к другу, и читали на стене дома на Литейном проспекте лист со списком расстрелянных. В нем было имя поэта.

Спустя некоторое время ко мне пришла Анна Николаевна и подарила этот портсигар, сказав: "Вы единственная, кто его заслужил".

Ида сохранила не только портсигар Гумилева. За год до гибели поэта художница Надежда Шведе-Радлова написал его портрет. Когда "конквистадора в панцире железном" не стало, Моисей Наппельбаум приобрел картину для старшей дочери.

"Всем собравшимся хотелось есть"

После расстрела Гумилева центром поэтической жизни Санкт-Петербурга стала просторная квартира Наппельбаумов в доме 72 на Невском.

– На легендарных "понедельниках у Наппельбаумов" начали собираться сначала все члены "Цеха поэтов" и "Звучащей раковины", а вслед за ними и весь цвет литературного Петербурга. Анна Ахматова, Борис Пастернак, Федор Сологуб, Михаил Кузмин, Михаил Лозинский, Корней и Николай Чуковские, Михаил Зощенко, Николай Клюев, Даниил Хармс... Сложно припомнить имя, которое не было бы связано с домом Наппельбаумов, – рассказывает доктор филологических наук **Ольга Воронова** (*имя изменено из соображений безопасности*). – Принимали гостей старшие из четырех сестер – Ида и Фредерика. Стульев и диванов на всех не хватало, поэтому часто приходилось рассаживаться на подушках вдоль стен или прямо на полу, на ковре.

Из книги воспоминаний Нины Берберовой "Курсив мой":

"У Иды была квартира на седьмом этаже на Невском, почти на углу Литейного. Это был огромный чердак, половину которого занимала фотографическая студия ее отца. Там кто-то осенью 1921 года пролил воду, и она замерзла, так что всю ту зиму посреди студии был каток. ... Первую комнату от входа решено было отдать под "понедельники" (в память Гумилева и его понедельничной студии "Звучащая раковина"). Тут должны были собираться поэты и их друзья для чтения и обсуждения стихов. ... В комнату поставили рояль, диваны, табуреты, стулья, ящики и настоящую печурку, а на пол положили кем-то пожертвованный ковер. Здесь вплоть до весны собирались мы раз в неделю".

Пусть места всем и не хватало, зато все гости без исключения получали драгоценное по тем голодным временам угощение – чай с бутербродами.

Моисей-Наппельбаум и его жена Розалия

Из "Телефонной книжки" Евгения Шварца:

"Чай и бутерброды стояли на маленьком столике у печки. Брали их понемногу. Голодные времена едва-едва начали сменяться нэпом. Всем собравшимся хотелось есть, но мы собрались для стихов. И они читались по очереди, по кругу, в большом количестве. В невозможно большом".

Когда дочери превратили его дом в средоточие поэтической жизни, Моисей Наппельбаум получил возможность сфотографировать едва ли не всех, кто составлял славу Серебряного века. Эта уникальная галерея портретов сегодня стала хрестоматийной.

Из книги Николая Чуковского "О том, что видел":

"Моисей Соломонович Наппельбаум ... был крупный, красивый мужчина с волнистыми кудрями и большой черной бородой. ... Свои фото он ретушировал так, что в них появлялось что-то рембрандтовское. Он действительно был замечательным мастером портрета. ... Очень хороши сделанные им портреты Блока. Это был добрый благожелательный человек, очень трудолюбивый, любящий свое дело, свою семью, искусство и деятелей искусства".

В салоне на Невском, 72, бывали и москвичи – Владимир Маяковский, Сергей Есенин. Ида, обучившаяся у отца искусству фотографии, как-то сфотографировала Есенина с друзьями. Этот снимок оказался последней прижизненной фотографией поэта. А ее отец стал автором посмертного снимка Есенина.

– После того как в 1918 году Моисей Наппельбаум сделал первый и самый тиражируемый официальный портрет Ленина, он стал фактически "придворным" фотографом Кремля, – рассказывает искусствовед **Анна Макеева** (*имя изменено из соображений безопасности*). – Сталин, Дзержинский, Луначарский, Воровский – кто только не позировал перед объективом его камеры. Из-за такой близости к советскому руководству Моисей Соломонович считался человеком надежным, проверенным, поэтому именно ему доверили сфотографировать мертвого поэта в номере "Англетера". А может, выбор пал на него, потому что Наппельбаум до этого уже снимал Блока в гробу и сумел передать весь трагизм его гибели. Он был настолько великим портретистом, что сравнить его можно разве что с художником Юрием Анненковым.

Ида унаследовала от отца талант фотографа. Ее работы быстро получили международное признание. Так, в 1925 году на выставке фотографий в Париже Моисей Наппельбаум получил Большую золотую медаль, а его дочь – Малую.

"Все перестали любить кого не нужно"

С 1923 года "понедельники у Наппельбаумов" начал посещать и Михаил Фроман, молодой поэт и переводчик, недавно переехавший из Ташкента. Он страстно влюбился в старшую из хозяек салона.

Из книги Нины Берберовой "Курсив мой":

"Аким Волынский находил, что в Иде есть что-то итальянское, и он был прав. Ее черные волосы локонами спадали на лоб, ленивые движения, красивая маленькая рука, какая-то во всем южная лень, медлительность улыбки; картавость – ей следовало бы носить парчу и запястья".

Фроману удалось добиться взаимности: в 1925 году Ида согласилась выйти за него замуж.

Из книги Николая Чуковского "О том, что видел":

"Своей женитьбой Михаил Александрович Фроман как бы разрубил всю цепь неудачных любвей, и все стало на место, – все перестали любить кого не нужно и полюбили кого нужно. Начались браки. ... На этих браках, собственно,

существование салона Наппельбаумов и прекратилось. Произошло это, конечно, не сразу, не в один день".

Перестав быть хозяйкой поэтического салона, Ида не оставила поэтическое поприще. В 1925 году она стала членом Всероссийского союза писателей. Патриарх русской поэзии Федор Сологуб самолично подписал ее билет за номером 46. В Ленинградском отделении Союза писателей Ида была секретарем поэтической и драматургической секции, а параллельно работала в фотоателье. И хотя каждая минута ее жизни была заполнена делами, Ида успевала писать стихи: в 1927 году вышел ее первый сборник "Мой дом". Высшей наградой для автора стала похвала Ахматовой.

Ида Наппельбаум

В 1931 году Ида с мужем переехали в новую квартиру в нескольких шагах от отцовского дома – в знаменитом доме-коммуне, получившем прозвище "Слеза социализма". Двери в нем не запирались, все запросто ходили друг к другу в гости. Кухонь не было, зато были общая столовая и детский сад, где жильцы дома должны были вместе питаться и воспитывать детей. В этот детсад будет ходить дочь Фроманов – Катя, родившаяся в 1932 году.

Из воспоминаний поэта Иннокентия Басалаева о посещении семьи Фроманов*:*

"На стене портрет маслом – Гумилев с маленькой раскрытой книгой в руке... Книгам мало места в шкафах. Они заняли подоконники, все столы и все еще лезут, растут, как деревья... Вечером мелькнула в зеленой кофте жена Фромана – Ида

Наппельбаум. Черные волосы, черные глаза. Уютно сидит на диване. Молчалива. Свои стихи читает торжественно, спокойно – как будто чужие. А между тем в них такая эмоциональность – боль, гнев, восхищение, что поражаешься их искренностью и откровенностью. Это стихи женщины о любви, ее горьких и трудных путях, о кратком слепом счастье и легкой разлуке. "Никогда еще душа моя такого одиночества не знала...", "Я жду ее, колдунью вековую...", "Но что мне поделать с любовью своей, где место, где дом уготованы ей?", "И мне уже почти совсем легко: почти не страшно одиночество мое". Это строчки из разных стихотворений. Но в них все ее сердце.

Рассказывает, что пишет на ходу, на обрывках бумаги. Тетради для стихов не любит, и строчки часто забываются. Служит в фотографии. Улыбаясь, объясняет, что это "семейная традиция". Возвращаясь домой ежедневно лишь к вечеру, она входит в комнату, как после богатого впечатлениями путешествия – в ее жестах и на лице ни усталости, ни желания покоя. Она молода, и мир для нее открывается каждый день, как новый. Она копит самое себя и боится растерять..."

"Казалось, что в печке корчился живой человек"

С началом Большого террора обитатели "Слезы социализма", первого писательского кооперативного дома в Северной столице, начали исчезать один за другим. Опасаясь ареста, Фроман потребовал уничтожить портрет Гумилева, сказав: "Так надо. Им уже интересуются, спрашивают людей".

Из воспоминаний Екатерины Царенковой, дочери Иды:

"В 1937 году поступили сигналы, что держать картину дома опасно. Ее разрезали на кусочки и сожгли в печке у родственников, на Черной речке. Мама эту сцену выдержать не могла, ей стало плохо, казалось, что в печке корчился живой человек".

Как ни удивительно, но первые волны Большого террора обошли семью Иды стороной. Она стала вдовой 21 июня 1940 года, когда Михаил Фроман умер после неудачной операции.

Из "Телефонной книжки" Евгения Шварца:

"Но никто и подумать не мог бы, что переживет папа вечно прихварывающего Фромана. Он именно прихварывал – и только. Но вот иду я летом 40 года по Сестрорецку, подхожу к витрине, где наклеена "Ленинградская правда", и вижу объявление о смерти Фромана. Он умер в больнице. Подозревали рак печени. Оказалось, что у него просто камни в желчном пузыре. Но он так ослабел после

самой операции, что через две недели словно догорел потихоньку. И маленькая дочка его укоряла мать, рыдая: "Зачем ты сказала, что он умер. Ведь мне только семь лет. Придумала бы что-нибудь, что увезли его в дом отдыха".

Военные годы Ида провела в эвакуации в Перми. А вернувшись в родной Ленинград, снова вышла замуж – за старого друга семьи поэта Иннокентия Басалаева. Но семейное счастье продлилось недолго: 9 января 1951 года Иду арестовали.

Из воспоминаний Екатерины Царенковой:

"Маму забрали, когда я училась в девятом классе, это была страшная трагедия. Я была очень правильной и сразу пришла к секретарю комсомольской организации Галине Позднякoвой доложить, что у меня арестовали маму. Она, девушка из интеллигентной семьи, выслушала, проявила мудрость и сказала: "Ты мне ничего не говорила, иди и учись дальше".

Михаил Фроман оказался прав, когда потребовал уничтожить портрет Гумилева. Главным основанием для ареста Иды стали доносы о том, что над изголовьем ее кровати висит изображение расстрелянного "контрреволюционера". Откровенно заявив поэтессе на первом же допросе "Мы вас с мужем недобрали в тридцать седьмом", следователь Иван Диев начал расспрашивать о крамольном портрете и друзьях ее юности.

Из воспоминаний Иды:

"И начались разговоры о 30-х годах. С кем встречались, с кем бывали, где бывали, с кем дружили, с кем чай пили. Я ему рассказывала о литературном обществе тех далеких 30-х годов. Я не могла и не хотела отрицать дружбу нашей семьи со Спасскими, с Кузминым и Юрием Юркуном. ... Иногда мне было жаль моего следователя. Он был провинциал, с Урала, недавно в Ленинграде. Не знал названий общественных учреждений, зданий, да еще 20-30-х годов! И совсем плохо был осведомлен в вопросах литературы. "Кто это символисты, футуристы?" (А такое ему досталось литературное дело...) "Что было раньше, что позже?" И я слежу, как он держит в раскрытом ящике стола книгу-справочник и, допрашивая меня, перелистывает ее. Однажды я не выдержала, поняв, что он запутался, спокойно сказала: "Не там смотрите, Сологуб – страницей раньше". Он как заорет: "Что такое? Какая страница?" – и захлопнул ящик. Стыдился своего невежества..."

"Я – комнатная, беспомощная"

Следствие продолжалась более 9 месяцев. Все это время, чтобы не сломаться, Ида старалась сосредоточиться на тех "каплях тепла", которые иногда видела вокруг. Выйдя на свободу, она зафиксирует в своих воспоминаниях каждое проявление доброты от людей, обязанных по долгу службы творить зло.

Анна Ахматова в гостях у Иды Наппельбаум, 1945

Из воспоминаний Иды:

"В тюрьме зубы не лечат. В крайности – их удаляют. А они болят там особенно. И ломаются, и крошатся, и острятся... Обтачивала их сама ручкой от алюминиевой, казенной ложки, убивала боль холодной водой из-под крана, луком... Не помогало. Попросила удалить. Предупредили, что без наркоза. Согласилась. И вот повели длинными галереями, этажами. Врач – одна на все болезни – посадила в кресло. ... Сказала: "Только мне не мешать". Я из кресла оглянулась на конвоира, молодого парня. Он сразу как вошел, плюхнулся на диван. Взглянула, видимо, ища у него поддержки. Он успокоил, улыбнувшись: "Ничего, не бойся, это разом".

... Бесконечность дня в одиночной камере. Вперед, назад, вперед, назад... Скоро ли, скоро ли можно лечь и забыться? Убежать от мыслей. Дежурит надзирательница, самая суровая, резкая. Большая, полная женщина. Вдруг открывается окошко "кормушки", она облокачивается на "окно" и молча смотрит. Потом говорит: "Не мечись, сядь". "Который час?" – спрашиваю, хотя знаю, что ни этот вопрос, ни ответ на него – не положен, запрещен. Она взглядывает на свои ручные часики: "Скоро

одиннадцать. Скоро отбой. Ляжешь". И еще стоит, смотрит. И ждет. И я жду чего-то. Постояла и ушла. А будто был здесь друг, побеседовали, разошлись... Легче...

*... Через много месяцев, когда мой хозяин (*следователь Иван Диев. – Прим. С.Р.*) оформлял уже документы для отправки их в Москву на "ОСО", сидя в его кабинете, почувствовала, что по лицу потекли слезы. Невероятна была мысль о разлуке с дочерью, с родными, друзьями, о нелепости всего, что происходит, о невероятности, похожей на игру. Он поднял голову от бумаг. "Ах, все-таки! А ведь вы грозились, что не заставлю вас никогда плакать" (Запомнил слова мои из первого допроса.) "Ну, чего вы! Скоро конец, уедете в лагерь". Утешил! "Там лучше. Помните, здесь же тюрьма, просто тюрьма. А там – жизнь!"*

Как "участницу антисоветской группы из числа литераторов" Иду приговорили к 10 годам лагерей особого режима по ст. 58 чч. 10, 11 УК РСФСР и отправили по этапу в тайшетский Озерлаг, созданный для строительства западного участка БАМа. В лагере она работала сначала на производстве слюды, а затем на укладке шпал.

Иде довелось побывать и на лесоповале. Однажды, собирая сучья, она едва не погибла: случайно зашла в запретную зону, и конвоир уже вскинул винтовку, чтобы ее пристрелить. Но одна из заключенных – молодая женщина-бригадир Ася Злобина – рукой отвела направленное на Иду дуло винтовки. Освободившись, Ида напишет об этом случае в рассказе "Лицо смерти". Как и во время тюремного заключения, в лагере она старалась собирать и фиксировать все "капли добра", такие редкие в лагерной жизни.

Из воспоминаний Иды:

"Сибирь. Тайга. Номера на спинах, номера на подоле платья или на колене ватных штанов.

Работа на ПЧ (путевая часть). Семь километров туда, семь километров обратно. По шпалам. Или лежневкой, что еще тяжелее. Бригада молодых, сильных в большинстве, крестьянских, привычных женщин. Я – комнатная, беспомощная. Десятичасовой рабочий день. Конвой – три стрелка. Нас пятнадцать. Они – с оружием, мы с воспоминаниями. Разведем бровку, рихтуем рельсы, меняем шпалы. Трудно. Молодые хихикают, балуются с парнями из охраны. Они вольные! Но они разные – есть звери, есть подлецы... А есть... Маленький смуглый нацмен. Из сибирских народностей. Подходит, берет из рук лопату и показывает, как лучше, правильней работать. (А никто из своих не показал, и бригадир не помогла). А он шепчет: "Учись, смотри, а то погибнешь тут".

Долгий путь по шпалам. И пока мы далеко в тайге, далеко от ушей начальства – девки поют свои заливные украинские песни. А я за ними не поспеваю, тороплюсь в своих, с чужой ноги, огромных, тяжелых сапогах, отстаю и тем задерживаю всех. И этот солдат сдерживает шаг первого ряда колонны. А женщины торопятся в барак, к горячей тарелке, уже закат, а пища была утром, в темноте. И все злобятся на меня. А наш конвоир на следующее утро ставит меня во главе колонны. И велит мне: "Всегда становись в первый ряд". Я в ужасе – не понимаю почему? Но он прав, прав... По моему первому ряду будут равняться все остальные. Навсегда в памяти этот маленький, узкоглазый, скуластый солдат. Человек".

Долго работу на лесоповале не мог выдержать никто. Ида не стала исключением и оказалась в больнице, где провела целый месяц. На врачебной комиссии ее признали инвалидом и перевели в водовозы. Эта работа тоже не была легкой: пять женщин впрягались в повозку с огромной бочкой и на себе развозили воду по лагерным пунктам, но все же это было лучше, чем медленная смерть на лесоповале.

Из воспоминаний Иды:

"Это было желанным счастьем. ... Пусть тяжка повозка с огромной деревянной бочкой, пусть выплеснутая вода залипает бушлаты, рукавицы, кеды и ты вся топорщишься от застывших струй, срываешь льдины с рукавов, с подола, с рукавиц – все же ты здесь, ты дома, ты в зоне, ты возле своего барака..."

"О выпавшем на нашу долю будто стыдились упоминать"

Единственной отдушиной для Иды в лагерные годы стала работа в самодеятельном театре, который организовали заключенные.

– Ида была помощником режиссера Людмилы Люмианской. После тяжелого рабочего дня, жертвуя сном, она самозабвенно участвовала в постановке пьес "Бедность не порок", "Платон Кречет", "Наймичка", – рассказывает историк репрессий **Сергей Бекасов** (*имя изменено из соображений безопасности*). – И хотя все роли в самодеятельных спектаклях исполняли только женщины, ни одного актера-мужчины не было, а декорации были сделаны из подручных материалов, все постановки зрители встречали с непередаваемым воодушевлением.

Из воспоминаний Иды:

Ида Наппельбаум

"Стоя во время спектакля за кулисами, сквозь щель в занавеске я следила за реакцией зала. (Зал – это столовая с деревянными скамьями, где обедают заключенные.) То, как волновались, дрожали, сидели с пылающими щеками заключенные женщины, – не удивляло. Но как перевоплощалось лагерное начальство, охрана, конвоиры, надзиратели! Помню, одна маленькая стерва надзирательница, злая, как волчонок, смотря сцену прощания невесты с подружками в пьесе "Бедность не порок", рыдала, склоняясь к плечу своего мужа, тоже надзирателя. И мужики вытаскивали платки и ерзали на скамейках".

– "Работа в художественной самодеятельности помогает мне морально существовать: сознание, что вечером будет репетиция, облегчает дневную работу", – писала Ида в письме мужу и дочери от 12 сентября 1953 года, – продолжает рассказ Сергей Бекасов. – Об этих лагерных спектаклях поэтесса напишет такие строки: "В глухой тайге, где грязи по колено, / Среди кулис истертых и измятых, / Где с керосиновою лампой сцена, / Вы "Без вины – играли – виноватых". Они войдут в цикл стихов "Тайшетский оазис", созданный в Озерлаге. Записывать крамольные стихи было слишком опасно, поэтому Ида учила их наизусть. Лишь выйдя на свободу, она смогла доверить их бумаге.

Из цикла "Тайшетский оазис", 1952 год, Тайшет-Братск

"Ты – номер,

ты – не человек,

АК-709,

Но это же

двадцатый век,

Как можно этому поверить?

Не тщись понять,

напрасный труд

Решать подобные загадки,

Крепи скорей

с клеймом лоскут

Себе же на лопатки".

После смерти Сталина лагерные порядки заметно смягчились. Стало понятно, что грядут перемены.

Из воспоминаний Иды:

"Неожиданно наш быт стал меняться. Мы не знали, не понимали, почему. Однажды мы обнаружили, что замок на двери ночью не был заперт. Потом пришло указание спилить решетки на окнах. И даже сказали: "Если хотите, можете снять номера со своих телогреек". Но мы не спешили, кто его знает, как это понять! "Они нам не мешают", – отвечали.

Но главное: у нас сменили начальника лагпункта, капитана Бочарова. Он выгонял женщин на работу в лес даже по ночам. Днем шла косьба в тайге. Косить в тайге – это адская работа! Сушка сена, скирдовка. А ночью женщины волокли на себе целые копны сена к железнодорожным путям. Подавался товарный порожняк, и мы вилами загружали вагоны до краев. Небольшой, приземистый, широкоплечий, он стоял на пригорке, следил, покрикивал, командовал, не позволял помогать друг другу, хихикал, издевался, подмигивал: "Давай! Давай! Живей! Живей! Вас ждет ужин с горячими пирожками!" И некоторые, по наивности, думали: за лишнюю работу покормят...

... Еще не наступила пора пересмотра положения в стране, как Бочаров был снят и отдан под суд. Оказалось, наши сверхурочные ночи шли в личную пользу начальника. Сено было им запродано, потому и грузилось ночами".

В ноябре 1954-го Иду неожиданно вызвали в Тайшет. Это означало долгожданную свободу. Через три года лагерей Ида смогла вернуться в Ленинград. Моисей Наппельбаум дождался возвращения дочери – он умрет в 1958 году.

Из интервью Иды Наппельбаум журналисту Михаилу Рутману:

"В 54-м неожиданно, ничего не объясняя, вызывали по одному, выдавали деньги на билет и отправляли домой. Официально реабилитации не было – друзья шарахались, а в Союзе писателей, где я работала в аппарате, не решались поставить на профсоюзный учет. О выпавшем на нашу долю будто стыдились упоминать".

Ида стала зарабатывать на жизнь, переводя Стендаля, Жюля Верна и пр. Никакой надежды опубликовать написанный в лагере цикл "Тайшетский оазис" и поэму "Хранить вечно" не было. Долгие годы они распространялись только в Самиздате.

В 1985 году, когда времена стали относительно травоядными, Ида "воскресила" сожженный портрет Гумилева: по чудом сохранившемуся черно-белому снимку художница Фаня Вязьменская написала копию картины. Восстановить все оттенки цветов помогли указания Иды – она помнила портрет с фотографической точностью.

Ида Моисеевна Наппельбаум, 1984 год

До глубокой старости Иде удалось сохранить ясный ум, прекрасную память и способность писать стихи. В 1991 году вышла вторая прижизненная книга стихов Иды – "Отдаю долги". Третью – "Я ухожу" – уже после смерти поэтессы за свой счет издала ее дочь.

Из сборника "Я ухожу":

"... Я не могу уже решать

Эпохи горькие загадки.

Я не сумею передать

Свой опыт горестный и сладкий.

Я ухожу к себе домой.

Прощайте. Все в порядке".

** Текст из архива Сибирь.Реалий*

Регионы | История.Сибирь